

И вновь припини спросишь, или меня бѣжать.
 За чѣмъ ты мнѣ самой недаль исполнишь мщенье?
 Чѣмъ влекся ты въ мѣста, гдѣ ждешь тебя пре-
 зрѣнья?

Вошь плодъ погибельный любви твоей слѣпой!
 Ты мнѣ принесъ бѣды, шекущія съ тобой.
 Такъ, ты посломъ явясь, намъ обоимъ къ напасши,
 Къ соперницѣ моей возжегъ въ немъ пламень спра-
 ши.

Еще бы спрашивъ сю межъ нами оиъ дѣлиль;
 Еще бѣзъ искаль меня и, можешьъ бысть, любиль!...
 Просиши! — ты можешьъ плыть. Я оспаюсь въ
 Эпирѣ.

Опчизны, скипетра, всего чуждаюсь въ мірѣ;
 Чуждаюсь рода я; довольно мнѣ, злодѣй,
 Что порожденъ имъ ты, спрашилище людей!

Гиъдичъ.

M U Z A.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
 И семисвѣтную цѣвицу мнѣ вручила.
 Она внимала мнѣ съ улыбкой; и слегка
 По звонкимъ скважинамъ пускаго проспника
 Уже наигрываль я слабыми перспами
 И гимны важные, внушенные Богами,
 И пѣсни мирныя Фригійскихъ паспуховъ.
 Съ ушра до вечера, въ иѣмой пѣни дубовъ

Прилежно я внималъ урокамъ дѣви тайной;
 И радуя меня наградою случайной,
 Опкинувъ локоны опь милаго чела,
 Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
 Троспникъ быль оживленъ божественнымъ ды-
 ханьемъ,
 И сердце наполняль святымъ очарованьемъ.

А. Пушкинъ.

КАБУДЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Восточная Сказка.

На берегахъ Эвфратъ
 Жиль пахарь, именемъ Гассанъ,
 Смиренный, добрый Мусульманъ,
 Который не имѣль ни серебра, ни злаша;
 Имѣль осла; любиль его, какъ браша;
 Лелѧль, чистиль и кормиль,
 И качества его онъ всѣмъ превозносилъ.
 На упренней зарѣ и солнца на закатѣ,
 На немъ нашъ пахарь разѣзжалъ
 И повода изъ рукъ, задумавшись, бросаль,
 Увѣренъ будучи въ своемъ ослѣ и брапѣ,
 Чпо вѣрно привезепъ Гассана онъ домой.
 И подлинно! — признаюсь должно, —
 Осель быль умница прямой;
 Красавецъ; высупаль онъ гордо, оспорожно;
 Ушами длинными пріяющи шевелилъ